

Власта Кынцлова

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПАРТИЗАН В КОНТЕКСТЕ ПАРТИЗАНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПРОТЕКТОРАТА БОГЕМИИ И МОРАВИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Еще в 1813 году французский император Наполеон Бонапарт сказал генералу Лефевру: «С партизанами нужно воевать по-партизански».¹ [пер. автора] Партизанские сражения и войны, внезапные партизанские атаки и отступления с большей или меньшей регулярностью вспыхивают повсеместно на протяжении целых столетий. Достаточно легко данный тип вооруженного противостояния можно обнаружить и в наши дни. Понятие партизанская война (герилья) получило распространение в период завоевания Наполеоном Испании. Потерпевшая поражение испанская армия в 1808 году разделилась на небольшие, не зависящие друг от друга и прошедшие реорганизацию оперативные группы. В этот период от испанского слова *guerra* (война) образуется слово *guerrilla* – партизанская война.² Зададимся вопросом: в какой степени изначальное значение понятия *партизанская борьба* соответствовало реалиям Второй мировой войны?

Определение понятия *партизанское сопротивление* и самого слова *партизан*, его теоретического значения и этимологического происхождения в контексте современных исторических исследований нуждается в актуализации. Для начала необходимо определить, о каком типе сопротивления идет речь. Какие характерные черты были присущи партизанскому движению на территории Протектората Богемии и Моравии во время Второй мировой войны? Точное

¹ Kittler, W., *Enlightened War: German Theories and Cultures of Warfare from Frederick the Great to Clausewitz*, New York 2011, 290.

² Kutger, J., *Irreguläre Kriegführung im Zeitwandel – Krieg aus dem Dunkel (20 Jahre kommunistische Guerillakämpfe in aller Welt)*, Köln 1962, 79–80.

определение понятия *партизан* помогает дать этимологический словарь, в котором сообщается, что в своем первоначальном значении данное слово использовалось для обозначения члена боевой организации, действующей на занятой неприятелем территории. После Второй мировой войны значение слова претерпело некоторые изменения: партизаном стали называть члена небольшого самостоятельного воинского подразделения (от ит. *partigiano* – приверженец, сторонник).³ Исходное слово, дериватом которого является слово *партизан* в его современном смысле, происходит от лат. *pars, sg – tis, pl, - часть*⁴ (ср. политическая партия от лат. *partes*).⁵

Известный политический и правовой мыслитель XX века Карл Шмитт,⁶ в 60-х годах занимавшийся подробным изучением партизанского сопротивления, стал одним из немногих исследователей, попытавшихся дать определение понятию *партизан*. Данной проблематике посвящена его работа *Теория партизана*.⁷ Шмитт выделил четыре критерия партизан: нерегулярность, высокая степень мобильности, интенсивная политическая ангажированность и теллурический характер, т.е. тесная связь с землей. Вместе с тем, нерегулярный

³ Rejzek, J., *Český etymologický slovník*, Praha 2004, 450.

⁴ Pražák, J. – Novotný, F., *Latinsko-český slovník*, Praha 1980, 197–198.

⁵ Quitt, Z. – Kucharský, P., *Česko-latinský slovník*, Praha 1992, 646.

⁶ Данный политический и правовой мыслитель, живший в 1888–1985 гг., в настоящее время известен, прежде всего, благодаря неоднозначной научной рецепции. Одни исследователи считают его «главным юристом Третьего Рейха», для других он стал классиком политической мысли. Зачастую Шмитта сравнивают с Макиавелли и Гоббсом. Во времена Веймарской республики Шмитт жестко критиковал ее парламентскую демократию, отстаивал идеи децизионизма и выступал как теоретик суверенного государства Нового времени. Своими истоками взгляды Шмитта восходят к католической вере. В первую очередь мыслителя интересовали вопросы власти, насилия и установления права. Шмитт блестяще сформулировал такие понятия как чрезвычайное положение, диктатура, суверенитет, а также политическая теология, законность и легитимность, понятия друг и враг.

⁷ Книга *Теория партизана*, впервые изданная в 1963 году, в Чешской Республике вышла в 2008 году в издательстве ОΙΚΟΥΜΕΝΗ. Понятие слова *партизан* рассматривается в книге, прежде всего, с юридической точки зрения. В книге предлагается достаточно оригинальный взгляд на партизанское сопротивление в широком историческом разрезе, а также излагаются многочисленные идеи, объясняющие данное понятие в его правовом аспекте. Таким образом, данная работа может быть весьма полезна при поисках интерпретации указанного термина в других областях. Вместе с тем, читателю следует учесть, что книга была написана более 50 лет назад, следовательно, было бы целесообразно использовать ее не как точное руководство, а как ориентир, на который можно опереться в поисках нового определения указанного термина, т.е. необходимо выяснить, в какой степени данная Шмиттом дефиниция партизана с течением времени устарела.

боец рассматривается Шмиттом как репрезентант регулярной силы: правительства, государственного института. Партизаном также считается боец в тылу фронта.

Историки говорят о высадках советских десантных групп в Чехословакии во время Второй мировой войны как о партизанском сопротивлении. Традиционная интерпретация сопротивления, десятки лет тиражируемая в учебниках истории и научных монографиях, не предполагает глубокого теоретического анализа понятия *партизан*. Бесспорным остается тот факт, что многие эпизоды партизанской борьбы (партизанского сопротивления), названные так в XX столетии, отвечают определению Шмитта лишь отчасти. Упомянутое подпольное (партизанское) сопротивление в разных формах встречается на протяжении всего XX века, что значительно осложняет задачу выделения конкретных признаков, характерных для партизанской борьбы в целом. В прошлом акцент делался исключительно на отличии партизан от разбойных банд, поднимающих стихийные бунты против режима вследствие своей бедственной жизненной ситуации. Свержение режима, подготовка революции или восстания не были для них даже второстепенной целью, что явно отличает их от партизан. Последние не восставали против действующего режима или внешнего угнетения исключительно в целях собственного обогащения за счет государственной системы и в ущерб другим. Партизаны представляли собой ячейку сопротивления, некоторые черты которой, несомненно, напоминают более ранний люмпен-пролетариат, однако это верно только в связи со стремлений к достижению высших, определяющих целей.

Сегодня уже не представляется возможным говорить о данном типе бойца столь однозначно, как это было принято раньше. Вплоть до Второй мировой войны партизан – мужчина, представитель своей страны, гражданин, – понимался как своего рода посредник, призываемый революционной властью к борьбе с захватчиками (имеются в виду внешние враги).

С уверенностью можно заявить, что к советским партизанам в Чехословакии применительны три из четырех выделенных Шмиттом критериев. Сомнения вызывает теллурический характер, который, как нам кажется, не был присущ советским партизанам, т.к. высадка десанта осуществлялась на территории чужого государства. Рассуждая логически, советские партизаны не имели «аутентичного» отношения к земле, т.е. о патриотизме в данном случае говорить не приходится. Их отношение к земле носило скорее инструментальный характер. В случае оккупированной Чехословакии данное отношение характеризуется стратегической важностью территории, ее ключевым значением. Столь прагматический и даже инструменталистский подход партизан лишен теллурической

составляющей. «Нетеллурическое» отношение к земле нужно интерпретировать в контексте коммунистической идеологии, игравшей в Советском Союзе ключевую роль. Несмотря на то, что эта идеология использовалась достаточно целенаправленно, в данной ситуации ее необходимо рассматривать как силу, определяющую политику Советского Союза. С точки зрения коммунистической идеологии теллурический аспект утрачивает свою значимость, т.к. коммунистический партизан не сражается против конкретного угнетателя, – он борется с анонимной властью капитала, проявляющейся на разных местах в разных формах. Ввиду этого, борьба против угнетения на чужой земле, а не на своей родине, для коммунистического партизана не является чем-то противоестественным. В Манифесте коммунистической партии говорится: «Коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество и национальность. Рабочие не имеют отечества... Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой».⁸ Проще говоря, у коммунистов родины нет. Данный факт ясно свидетельствует об отсутствии восприятия партизана как последнего защитника своей земли, своего народа, своей родины, т.к. угнетатели его собственного народа одновременно являются угнетателями других народов. Результатом этого становится ослабление бытовавшего ранее представления о самобытности родины или народа как значимого элемента мировой истории. Шмитт также дает логическое обоснование тому факту, что в XX веке управление элементарными теллурическими силами, противостоящими иностранной интервенции, попадает в руки интернационального и наднационального руководящего центра. Советские партизаны в Чехословакии, в таком случае, представляли собой манипуляторное орудие всемирной революционной экспансии, возникшей во многом благодаря Второй мировой войне.⁹

В отличие от Шмитта, Ральф Шроерс в своей книге *Partisan, ein Beitrag zur politischen Anthropologie*¹⁰ проводит четкое разграничение между партизаном и революционным агентом. Партизан, в его понимании, является сторонником движения, не преследующего далеко идущих политических целей. Однако партизан в интерпретации Шроерса, как нам кажется, выступает скорее как простой борец сопротивления против внешнего врага. Такая трактовка означала бы, что партизаны из Советского Союза в Чехословакии действовали

⁸ Маркс, К. – Энгельс, Ф., *Манифест Коммунистической партии*. [online: <<https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>>, (in: *Spisy*, Praha 1958, т. 4, 447)].

⁹ Schmitt, C., *Teorie partyzána*, Praha 2008, 70.

¹⁰ Schroers, R., *Partisan, ein Beitrag zur politischen Anthropologie*, Köln 1961.

исключительно как инициаторы партизанского движения, выполняли функции помощников, поставщиков оружия и техники и, не в последнюю очередь, передачи боевого опыта. Советские партизаны способствовали нарастанию стихийного протеста гражданского населения против оккупации своей страны,¹¹ т.е. инициировали и последовательно стимулировали возникновение партизанского движения на территории Протектората Богемии и Моравии.

Советский десант, таким образом, можно логически отнести к категории партизанских бойцов, которые поддерживали связь с регулярными организациями. Во второй половине XX века возможность поддержания связей между группами, считавшимися нерегулярными, и регулярными подразделениями стала необходимостью. Это было обусловлено развитием технологий и потенциала регулярных армий, располагавших несоизмеримо более эффективным вооружением, чем скрывающиеся в лесах бойцы сопротивления.

Факт сотрудничества регулярных и нерегулярных подразделений зачастую вынуждает исследователя сузить данную проблематику, т.к. неизбежно возникает вопрос о многочисленных промежуточных уровнях дифференциации регулярных и нерегулярных боестолкновений, открытой и подпольной борьбы. Шмитт пишет: «Регулярный характер явления выражается в униформе солдата, которая является чем-то большим, чем профессиональное одеяние, поскольку она демонстрирует господство публичности; наряду с униформой солдат открыто и демонстративно носит оружие».¹² Если данный тезис воспринимать буквально, партизанское сопротивление в Чехословакии ни в коей мере нельзя будет считать таковым, т.к. из архивных источников и специальной литературы достоверно известно, что советские партизаны после десантирования в лесах Высочины довольно часто появлялись в собственной военной форме, т.е. в форме Красной армии, на которой присутствовали ясные знаки различия регулярных войск. Вместо нее, однако, они могли носить форму, захваченную у противника, или одеваться как местные жители, если это было необходимо в целях упрощения задачи захвата трофеев, так, чтобы не привлекать к себе внимания неприятеля. В данном случае партизаны оставались бы местными бойцами сопротивления, примкнувшими к Советам, т.к. такие бойцы не

¹¹ Šolc, J., *Za frontou na východě: českoslovenští parašutisté ve zvláštních operacích na východní frontě za druhé světové války (1941–1945)*, Cheb 2003, 97.

¹² Schmitt, C., *Teorie partyzána*, Praha 2008, 20. V ruském originále viz: [online:<<http://www.uzluga.ru/potrd/%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F+%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%B0d/part-2.html>>, cit. 2016-08-30].

относились к регулярным частям. Это обстоятельство наводит нас на мысль о том, что в контексте партизанского движения необходимо рассматривать конкретных представителей данного типа сопротивления как исключительно важные элементы (в некоторых случаях – незаменимые) высшего органического целого – партизанского сопротивления.

Описание партизана, сделанное немецким писателем Герхардом Небелем в его военном дневнике *Unter Partisanen und Kreuzfahrern*,¹³ во многом схоже с определением Шпроерса. Небель, однако, идет еще дальше: в своей книге в конце войны он стирает различия между отступающей вражеской армией и бойцами местного сопротивления. Обе вышеуказанные группы Небель называет партизанами – современными нигилистами.¹⁴ Данный вариант интерпретации понятия партизан также частично соответствует характеру партизанского сопротивления в некоторых областях Протектората (в частности, в связи с печально известным провалом партизанского сопротивления в Плоштинe, результатом которого стало сожжение поселка и уничтожение его жителей).¹⁵

Очевидный и давно освещенный в литературе факт с достаточным основанием определяет партизанское движение в Чехословакии как простой инструмент политиков. С этим утверждением можно согласиться и одновременно поспорить. Отрицать роль советских партизан как инструмента реализации московских интересов после Второй мировой войны, конечно, нельзя. Однако для идентификации партизанского сопротивления данный факт оказывается определенно не достаточным, если принять во внимание стихийное стремление к освобождению среди чехословацких патриотов вне зависимости от их политической ориентации. Ограничивать столь значительную составляющую сопротивления лишь понятием политического инструмента, вытекающим исключительно из общеизвестных договоренностей высших государственных лиц и синхронизации войск в подготовке послевоенного мироустройства, значит пренебрегать действиями конкретных людей и реальными примерами диверсий и боестолкновений, при которых зачастую имели место акты личного героизма. Яростное стремление к свободе, присущее ожидающим военной помощи патриотам, при подобном прочтении утратило бы свое самобытное значение.

¹³ Nebel, G., *Unter Partisanen und Kreuzfahrern*, Stuttgart 1950.

¹⁴ Kästner, E., *Unter Partisanen und Kreuzfahrern*, Frankfurter Allgemeine Zeitung, 09. 12. 1950, 16; ср. Schmitt, C., *Teorie partyzána*, Praha 2008, 25.

¹⁵ См. например: Mňáčko, L., *Smrt si říká Engelchen*, Praha 1963; Cílek, R., *Ploština – Příběh o lidech statečných i zbabělých, o životě a smrti, o zlobě a plamenech*, Brno 1990; Filgas, J., *Ploština v plamenech*, Nový Jičín 1948.

Рассматривать все партизанское движение в Чехословакии во время Второй мировой войны лишь как политический инструмент было бы неправомерно.

Преуменьшение роли данного сопротивления и отождествление его с политическим инструментом означает, однако, не только общее пренебрежение к нему, но и неуважение к делам конкретных участников сопротивления. Необходимо задаться вопросом, является ли подобное отождествление действия и инструмента, и соответственно непризнание самобытности действия, корректным с научной точки зрения. Также возникает вопрос, является ли цель, к которой своими действиями стремился конкретный участник, адекватным критерием, на основании которого данное действие можно оценить или просто понять. Действие исчерпывается не своей целью, а способом своего осуществления. О действии можно сказать, что оно из себя представляет. Действие носит объективный характер, и тот, кто осуществляет данное действие, вкладывает в него ценную информацию о самом себе. Действие рассказывает правду о том, кто его совершил. При этом, исполнителя следует оценивать не исходя из преследуемых им целей, а исходя из самих действий.¹⁶

Даже если советские партизаны преследовали партийные (политические) цели и в борьбе с нацистской оккупацией руководствовались своими собственными (московскими) интересами, преуменьшает ли этот факт значение их действий в борьбе с нацистской оккупацией? Данное утверждение было бы неверным. Действие, чаще всего, остается в тени цели. В случае целей далеко идущих из поля зрения часто выпадает то, на что нужно обратить внимание в первую очередь – само действие. Какими бы ни были намерения советских партизан, десантированных на территорию Протектората, в ходе научного исследования необходимо логически анализировать сами их действия, которые способны дать информацию о положительных или отрицательных аспектах сопротивления. Действие остается, а намерения исчезают. По этой причине, сохраняет свою актуальность вопрос: так что же это было за действие? Пока этот вопрос открыт, исторические исследования не теряют своего смысла.

Непосредственным участникам сопротивления отказывается в праве памяти. Действие имеет внутреннюю обусловленность, а не только исходит из приказа вышестоящей инстанции. Забывается о действии как таковом. Как следствие, забытыми оказываются и многие герои, отдавшие свою жизнь за освобождение Чехословакии. Подобно тому как Советский Союз видел в партизанском сопротивлении инструмент распространения революции, бойцы местного сопротивления, с большой долей вероятности, воспринимали его как средство

¹⁶ Hegel, F. – Wilhelm, G., *Fenomenologie ducha*, Praha 1960, 227.

для получения вооружения и военной поддержки в боях с неприятелем, как опору в подготовке и координации майского восстания.

Когда Германия напала на Советский Союз, Советы не имели четкой стратегии в области ведения регулярного и нерегулярного боя.¹⁷ По словам немецкого историка Вальтера Якобса, «Нерегулярное ведение войны включает в себя все виды ведения войны, не являющиеся конвенциональными в данное время».¹⁸ [пер. автора]. Нерегулярные бои, вполне вероятно, не имели бы места (по крайней мере в таком масштабе), если бы не действия Вермахта в отношении гражданского населения и военнопленных на Восточном фронте. Советы стремились к созданию центра управления партизанским сопротивлением с первых месяцев войны. Это значит, что стихийное партизанское сопротивление рассматривалось ими как нерегулярная сила – нерегулярные бойцы в тылу противника. Такие бойцы не обладают статусом кадрового военного, однако стратегия ведения войны требует их организации, с тем чтобы они могли оказывать армии помощь в достижении желаемых целей в борьбе с врагом. Их потеря армия практически не ощутила, однако совершенные ими диверсии во многом осложнили снабжение войск Вермахта на фронте. Важно не путать понятия советский партизан на территории Протектората и активный нерегулярный боец (гражданское лицо), который, не имея никакого отношения к регулярной армии, по сути никак не повлиял на общую ликвидацию оккупации. Из вышесказанного следует, что существование советских партизан и всего партизанского движения в Советском Союзе без связи с законными государственными органами было бы невозможно. Именно благодаря данной связи партизаны располагали достаточным обмундированием и вооружением, что давало им возможность противостоять противнику на равных.

Гибкость, скорость и, как это ни удивительно, чередование наступлений и отступлений, одним словом – высокую степень мобильности, – следует рассматривать как типичные признаки партизан. В связи с советским десантом, однако, нужно обратить внимание на тот факт, что многие советские партизаны зачастую действовали на территории, площадь которой не превышала нескольких десятков квадратных километров. В сравнении с партизанами Тито, которые благодаря своей мобильности и хорошей организации смогли освободить обширные территории в центральной Сербии, Черногории, Боснии и Хорватии,

¹⁷ Jacobs, W., *Irreruläre Kriegführung und Sowjets – Krieg aus dem Dunkel, (20 Jahre kommunistische Guerillakämpfe in aller Welt)*, Köln 1962, 104.

¹⁸ Там же, 105.

это не так уж много.¹⁹ Вместе с тем, высокая степень мобильности, помимо охвата территории, также означает и возможность проведения внезапной атаки на неприятеля или, наоборот, быстрого отступления.²⁰

В случае советских партизан нельзя отрицать факт интенсивной политической ангажированности, отличающей партизан от других бойцов сопротивления.²¹ Особенно это касается ряда подразделений, основным видом деятельности которых на территории Протектората стала организация народных советов. Возникает вопрос: была ли характерна подобная политическая ангажированность для присоединившихся к партизанскому сопротивлению чехов? Ввиду того, что проверить каждого конкретного участника достаточно проблематично (и незачем), теоретически можно исходить из партизанской присяги, которую приносили бойцы местного сопротивления при вступлении в Бригаду им. Яна Гуса.

«Я как истинный чех знаю, что сейчас мое место среди борцов с немецкими оккупантами. Поэтому я добровольно вступаю в ряды партизанского воинства, чтобы с оружием в руках сражаться и мстить за свою попираемую Родину, бороться за скорейшее освобождение своих братьев и сестер. Я буду сражаться так, как сражались наши праотцы гуситы, не зная страха и не жалуясь на трудности. Живым в плен я не сдамся, лучше убью себя сам. Я буду безжалостно мстить немецким оккупантам за слезы чешских матерей, отцов, сестер, братьев, за все то зло, которые фашистские нелюди совершали и совершают с моим народом... Клянусь беспрекословно и точно выполнять приказы своих командиров и всеми силами помогать своим товарищам в трудную минуту, даже если за это нужно будет отдать свою жизнь. Ни при каких обстоятельствах я не брошу товарища раненым на поле боя на милость врагу, но постараюсь доставить его туда, где он будет в безопасности. Я буду поддерживать своих вновь прибывших мобилизованных братьев в сложном для них начале пути. Если я предам бригаду или хоть в чем-то нарушу эту присягу, пусть меня настигнет суровая, но справедливая кара от рук моих товарищей по бригаде. Клянусь!»²² [пер. автора]

Несмотря на то, что в присяге чешских партизан ни словом не упоминается о коммунистической партии, предложение о неукоснительном исполнении приказов командиров позволило советским партизанам (а именно, политрукам)

¹⁹ Pelikán, J., *Dějiny Jugoslávie 1918–1991*, Praha 1994.

²⁰ Schmitt, C., *Teorie partyzána*, Praha 2008, 22.

²¹ Там же, 21.

²² VÚA–VNA, 308-87-1, materiály oddílu Mistr Jan Hus.

использовать местных бойцов для скорейшего и беспрепятственного создания новых народных советов, ставших в послевоенной Чехословакии опорной базой для манипулирования населением и подготовки к выборам 1946 года. На сегодняшний день это ни для кого не секрет, так же, как и последующая системная идеализация образа партизана в средствах массовой информации во второй половине 40-х годов XX века.²³

Еще Ленин в эссе 1906 года, посвященном ведению партизанской войны, писал, что наибольший эффект достигается в результате проникновения в мысли врага и планы его действий – это позволяет исключить момент неожиданности в боевом столкновении. Ленин считал, что партизанской войне необходимо уделять достаточное внимание, и отстаивал теорию о необходимости подходить к борьбе с партизанами как к определенному виду ведения войны.²⁴ Необходимо добавить, что политическая ангажированность и связь партизан с распространением в мире коммунизма, а вместе с тем и тенденция к абсолютизации утверждения Че Гевары о том, что партизан – иезуит войны,²⁵ не относятся к случаю советских партизан. О тесной взаимосвязи коммунизма и партизанского сопротивления можно говорить лишь во второй половине XX века. Существовала она и ранее, однако допускала достаточно широкие спекуляции.

Народные советы наращивали количество своих членов, благодаря им возникали сети партизанских групп (CPS), главными задачами которых была информационная деятельность. Данные группы стали неотъемлемой частью помощи советским партизанским бригадам, однако идентифицировать их представителей как партизан в рамках принятого в данной работе определения было бы неправомерно. Для прояснения вопроса политической ангажированности в заключении следует сказать, что представители CPS были, по сути, значительно более политически ангажированы, чем гражданские лица, которые присоединились к советскому десанту прямо в лесах, т.к. уход в подполье для них стал практически единственным шансом остаться в живых.

Партизаны из Советского Союза, действовавшие на территории Протектората Богемии и Моравии, являлись нерегулярными бойцами, командированными регулярным воинским руководством. Для выполнения своей миссии они

²³ См. Doležalová, I., *Obraz partyzána v československé společnosti v letech 1945–1948: Bakalářská práce*, Ústav světových dějin Filozofické fakulty Univerzity Karlovy v Praze 2013.

²⁴ Jacobs, W., *Irreruläre Kriegführung und Sowjets – Krieg aus dem Dunkel*, (20 Jahre kommunistische Guerillakämpfe in aller Welt), Köln 1962, 102.

²⁵ Hetzer, W., *A War on Terror – The European Stance on a New Threat, Changing Laws and Human Rights Implications*, New York 2010, 290.

прошли серьезную физическую и политическую подготовку. Вне всякого сомнения, советские партизаны выступали как инструмент коммунистической идеологии, для которой партизанское сопротивление в ходе войны стало новой формой распространения социалистической революции. Благодаря новым техническим средствам, поставка которых была со временем налажена, советские партизаны располагали как материальной, так и военной поддержкой.²⁶ Партизаны из Советского Союза, в том количестве, в котором они десантировались на территорию Протектората Богемии и Моравии, едва ли смогли бы самостоятельно, без регулярной военной поддержки Советского Союза инициировать возникновение в некоторых областях организованного партизанского движения, которое в последние годы Второй мировой войны являлось практически единственной эффективной составляющей сопротивления в борьбе с немецкой оккупацией.

ABSTRAKT

Teoretické vymezení pojmu partyzán v kontextu partyzánského odboje za druhé světové války v Protektorátu Čechy a Morava

Vlasta Kynclová

Studie předkládá teoretické vymezení pojmu „partyzán“ a „partyzánský odboj“ za druhé světové války a v Protektorátu Čechy a Morava. Na tato území posílal Sovětský svaz partyzánské výsadky s cílem rozvinout partyzánské hnutí. Studie poukazuje na problémy definice pojmu „partyzán“ a předkládá charakteristické rysy sovětského vojáka – trénovaného partyzána. Zároveň si klade obvyklou otázku ohledně definice regulérního a neregulérního vedení boje a ptá se, zda mohou být sovětské výsadky s ohledem na jejich rysy opravdu považovány za partyzánské.

Klíčová slova: partyzán, partyzánský odboj, druhá světová válka, Protektorát Čechy a Morava, Sovětský svaz.

²⁶ Šolc, J., *Za frontou na východě: českoslovenští parašutisté ve zvláštních operacích na východní frontě za druhé světové války (1941–1945)*, Cheb 2003, 97.

ABSTRACT

Theoretical Definition of the Conception Partisan in the Context of Partisan Resistance During the Second World War in the Protectorate of Bohemia and Moravia

Vlasta Kynclová

The article aims to provide a theoretical delineation of the concept of the “partisan” and the “partisan resistance” during the World War II in the Protectorate of Bohemia and Moravia. Into this territory, the Soviet Union had been sending partisan airdrops with the aim of developing a partisan movement. The article points to the problems of defining the characteristics of a concept “partisan” and outlines the characteristic features of the Soviet soldier – the trained partisan. It also puts into question the usual definitions of regular and irregular warfare and asks whether the Soviet airdrops can, indeed, be considered as partisan ones, with regard to given features.

Key words: Partisan, Partisan Resistance, World War II, Protectorate of Bohemia and Moravia, Soviet Union.

Mgr. Vlasta Kynclová (vlasta.kynclova@gmail.com) je absolventkou Ústavu světových dějin Filozofické fakulty Univerzity Karlovy. Dlouhodobě se zabývá dějinami partyzánského hnutí ve střední a východní Evropě.